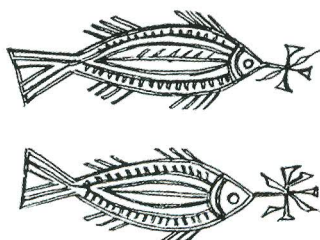

НЕСКОНЧАЕМОЕ
ДЕТО

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

НЕСКОНЧАЕМОЕ ЛЕТО

*Сборник статей
в честь Елены Александровны Рыбиной*

УДК 902(470)
ББК 63.4(23)
Н 55

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Л. В. Покровская,
кандидат исторических наук В. К. Сингх (отв. ред. и сост.),
А. М. Степанов, Е. А. Тянина

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Б. Леонова
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев
доктор исторических наук А. В. Чернецов

Н 55 «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред. – сост. В. К. Сингх. – Москва – Великий Новгород. – 2018. – Санкт-Петербург : Любавич, 2018 – 248 с.: ил.

ISBN 978-5-86983-848-3

Сборник научных статей «Нескончаемое лето», подготовленный к изданию Лабораторией истории и археологии средневекового Новгорода исторического факультета МГУ, посвящен юбилею известного российского археолога, доктора исторических наук, профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ Елены Александровны Рыбиной. В книге собраны статьи ведущих археологов, историков, лингвистов, искусствоведов, в которых рассматриваются различные вопросы археологии в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня до средневековья. В большинстве статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении древней и средневековой археологии и истории.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым.

УДК 902(470)
ББК 63.4(23)

В оформлении обложки использованы изображения с металлической ложки, найденной в Великом Новгороде на Троицком XIV раскопе (первая половина XII в.)

ISBN 978-5-86983-848-3

© Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Оформление: Новгородский музей-заповедник, 2018
© Издательство «Любавич», 2018

Снова о привесках — литых копиях с монет типа «Ярославле серебро» из Новгорода

Серебряные монеты («сребреники») с погрудным изображением св. Георгия в плаще, с копьем в правой руке и щитом в левой на одной стороне и княжеским знаком в виде трезубца и круговой легендой «Ярославле серебро» — на другой, относятся к числу редчайших нумизматических памятников Древней Руси. В отличие от других древнейших русских монет (Владимира Святославича и Святополка Ярополчича) эти сребреники сразу же были признаны русской монетой и отнесены к деятельности князя Ярослава Владимировича Мудрого (около 978–1054). Известно 15 таких монет, разделяющихся на два типа: высокохудожественные «большие» сребреники с диаметром 24–26 мм и весом 2,8–3,77 г (8 монет; восходят к трем парам изолированных штемпелей) и «малые» — с диаметром 20–24 мм и весом 1,34–1,57 г, у которых в легенде имеется латинская буква R (7 монет; отчеканены тремя различными штемпелями лицевой стороны при одном штемпеле оборотной стороны). Лишь одна из этих монет происходит с территории Древней Руси (обнаружена в Киеве в конце XVIII в.), все остальные найдены за пределами Руси — в странах Балтийского региона¹.

Монеты «Ярославле серебро» датируют периодом новгородского княжения Ярослава Мудрого (1010–1019). Сребреники большого веса могли появиться в 1014 — начале 1015 г., когда Ярослав отказался отдавать отцу — великому князю киевскому Владимиру Святославичу — 2 000 гривен серебра, собиравшихся до этого ежегодно с новгородцев. Сребреники малого веса могли отчеканить в связи с событиями 1018 г., когда Ярослав, бежав в Новгород после поражения от Святополка Окаянного на Буге, был вынужден произвести наем новой варяжской дружины, для чего новгородцы снова «начаша скоть събирати»². Считается, что все эти монеты могли быть изготовлены в Новгороде. Анализ металла двух больших и трех малых сребреников показал очень высокую пробу серебра (960–970°)³.

Большие сребреники отличаются исключительной красотой и изяществом, что неоднократно отмечалось исследователями⁴. Они стали образцом для изготовления в Новгороде особых литых привесок с ушком, служивших нагрудными украшениями в costume и бывших долгое время популярными среди горожан.

Ко времени составления «Сводного каталога древнейших монет России» было известно девять литых копий: оловянных привесок, а также круглых медных украшений (возможно, матриц) без ушек для привешивания. Их диаметр — 24–27 мм⁵. Прототипом пяти из них И. Г. Спасский и М. П. Сотникова считают монеты штемпелей № 222 «Сводного каталога», трех — монеты штемпелей № 223, одна копия не поддается точному определению. Происхождение привесок, восходящих к № 222: селение Гротреск (Швеция), при раскопках места жертвоприношений (2 экз.)⁶; Унна Сайве в Лапландии (Швеция), при раскопках жертвенника (2 экз.); одна — найдена в Новгороде в 1911 г.⁷ Состав металла был определен лишь у одного украшения из Унна Сайве. Оно изготовлено из олова с небольшой примесью меди (95 % и 5 %)⁸. Привеска, не

поддающаяся точному определению, найдена в кургане у с. Калетино Санкт-Петербургской губернии при раскопках, она потеряна и к настоящему времени не разыскана. Копий со сребреников Ярослава малого веса пока не известно.

Из трех медных копий без ушек для привешивания, восходящих к штемпелям № 223, точное место находки известно лишь у одной: она выпажана в поле у г. Гальберштадта в 1881–1882 гг. Однако две другие происходят, вероятно, тоже из Германии, поскольку были приобретены у торговцев монетами в Кельне и Ганновере в 1850-е гг.⁹ Ни одной подобной находки с тех пор не зафиксировано, что заставляет выделить эти копии в отдельную группу. Они требуют проведения металлографического анализа и специального изучения.

Рассматривая привески из Лапландии, исследователи высказывали разные мнения об их происхождении. Атрибуция этих находок как копий сребреников Ярослава была установлена Т. Арне еще в 1914 г.¹⁰ И. Сернинг, публикуя эти предметы, высказала мнение, что они попали на север из Восточной Европы, и датировала их второй половиной XI в.¹¹ В. М. Потин привлек привески из Лапландии для определения возможного места изготовления сребреников Ярослава большого веса и высказал осторожное предположение: «Сказать что-либо совершенно бесспорное о происхождении подражаний Ярославлю серебру пока невозможно, но надо думать, что они были изготовлены где-нибудь в новгородских землях, в Приладжье или Карелии»¹². Н. А. Макаров отметил тождество литой копии из Новгорода и привесок из шведской Лапландии и пришел к выводу, что эти украшения были изготовлены в Новгороде¹³.

Археологические работы в Новгороде вскоре подтвердили заключение Н. А. Макарова. В 1991 г. две подобные металлические привески были обнаружены на Федоровском раскопе (Плотницкий конец средневекового Новгорода; руководитель работ Г. Е. Дубровин). Их диаметр — 25 мм. Обе они залегали в перемешанном слое и, к сожалению, лишены стратиграфической датировки. Древнейшие отложения культурного слоя в этой части Новгорода датируются рубежом XI–XII вв.¹⁴

Федоровские привески отлиты вместе с ушками в двухсторонних каменных (?) литейных формах. Преобладающим металлом в сплаве является олово (86–90 %)¹⁵. Обе копии невозможно отождествить с какой-то известной монетой. Мастер, вероятнее всего, попросту копировал изображения, известные ему по более ранним образцам подобных привесок.

Начало изготовления украшений, копирующих монеты Ярослава, следует относить к концу первой четверти XI в. — времени бытования их прототипов. Ремесленное производство этих копий по глиняным формам возможно только при наличии оригинала. Поэтому вряд ли стоит отодвигать его за рамки первой половины XI в. Позже такие предметы могли отливать в каменных формах, используя за образец более ранние привески.

Таблица 1.

Паспортные данные привесок — подражаний монетам с надписью «Ярославле серебро» из Новгорода

№ п/п	Раскоп	Уч.	№ п/о	Кв.	Гл., см	Слой	Датировка	Вес, г	Размер, мм	Рис., Табл.
1	Десятинный IV (Софийская сторона)	10	60	Г-17	-172	навоз, щепы	первая половина XII в.	2,78	диаметр 26 толщина 2	Рис. 1: 1
2	Лукинский II (Торговая сторона)	2	216	Д-8	-192	навоз, щепы	начало XII в. Усадьба «В»	3,14	диаметр 25,5 толщина 1	Рис. 1: 2 Табл. 2; 3
3	Лукинский II (Торговая сторона)	3	1996	Б-12	-188	слой с печиной и углем	20-е гг. XII в. Усадьба «Б», внутри сооружения № 1 (сруб 5 × 7 м с печью в центре)	3,32	диаметр 23 толщина 2	Рис. 1: 3
4	Рогатицкий II (Торговая сторона)	1	14	А-1	-600	навоз, щепы	конец XI — начало XII в.	8,82	диаметр 24 толщина 2,5	Рис. 1: 4 Табл. 2

Рис. 1. Привески — литые копии с монет типа «Ярославле серебро» из раскопок в Великом Новгороде в 2010–2014 гг.: 1 — Десятинный IV раскоп (Дес-4/10-60); 2 — Лукинский II раскоп (Лук-2/2-216); 3 — Лукинский II раскоп (Лук-2/3-1996); 4 — Рогатицкий II раскоп (Рог-2014/1-14)

Дальнейшие работы новгородских археологов показали, что подобные украшения бытовали в Новгороде и в XII в. В 2005 г. такая привеска найдена на Троицком XIV раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководитель работ А.М. Степанов) в слое второй четверти XII в.¹⁶ В 2008 г. еще две подобные находки обнаружены на Десятинном II раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководитель работ Н.Н. Фараджева). Одна

из них залегала в напластованиях конца XI — начала XII в., вторая — в слое второй половины XII в.¹⁷ Несколько таких же украшений зарегистрировано в последние два десятилетия вне раскопок как в самом Новгороде, так и в его окрестностях (преимущественно в Поозерье)¹⁸.

Приводим сведения о четырех новых привесках. Они обнаружены в процессе археологических работ на Десятинном IV (2010) раскопе в Людином конце¹⁹, а также на Лукинском II (2012)²⁰ и Рогатицком II (2014) раскопах в Плотницком конце средневекового Новгорода. Их диаметр — 23–26 мм (Рис. 1; Таблица 1).

Украшение с Десятинного IV раскопа (Дес-4/10–60) отлито в той же каменной двусторонней литейной форме, что и привеска Федоровского раскопа и такая же находка из Новгородского Поозерья²¹. Нижняя часть ее утрачена в древности (Рис. 1: 1). Обнаружена в слое первой половины XII в. Продукцией той же литейной формы является первая привеска Лукинского II раскопа (Лук-2/2–216) (Рис. 1: 2), которая залегала в слое начала XII в. Вторая находка (Лук-2/3–1996) — аналогична привеске Федоровского раскопа и находке из Поозерья (Рис. 1: 3)²². Датируется 20-ми гг. XII в.

Заготовка привески (?), обнаруженная на Рогатицком II раскопе, представляет особый интерес. Это литейный брак, сохранивший в месте вливания металла в форму несрезанные литники (Рис. 1: 4). Находка указывает на местное производство и представляет редкий случай, когда время ее изготовления и утилизации совпадают. Она залегала в слое конца XI — начала XII в. Некачественная отливка является возможной причиной отсутствия у предмета соответствующего ушка, поэтому к категории рассматриваемых изделий его можно отнести с определенными оговорками.

При общем единстве композиционной схемы (святой-трезубец) эта находка заметно отличается от рассмотренных выше привесок. На лицевой стороне находится поясное изображение святого с копьём в левой руке и щитом в правой (!), заключенное в два точечных ободка. На оборотной стороне изображен княжеский знак в виде трезубца, по краю просматриваются два точечных ободка. Общий стиль изделия выдает руку неумелого мастера-торевта, из-

Таблица 2.

Химический состав сплава привесок
Лукинского II и Рогатицкого II раскопов (метод РФА)

Элемент	Подвески	
	Лук-2/2-216 ¹	Рог-2014/1-14
Sn	97,63	95,14
Cu	1,94	3,37
Pb	0,12	0,50
Zn	0,01	0,03
Bi	-	0,07
Ni	-	0,03

¹ Шифр находки означает: раскоп/участок-номер полевой описи

Таблица 3.

Фазовый химический состав сплава привески
Лукинского II раскопа (Лук-2/2-216) по данным
микроанализа

Аналитический спектр	Sn	Cu
1	89,4	10,3
2	14,9	84,7
3	13,2	86,3
4	12,4	87,2
5	70,2	29,7

готовившего крайне грубую форму для этого украшения.

Для двух привесок, обнаруженных на Лукинском II и Рогатицком II раскопах, проведен анализ металла (Таблица 2). Эти украшения отлиты из олова (95–98 %) с примесью меди (2–3 %) ²³. Такие сплавы отличала не только низкая температура плавления, но и высокая пластичность, благодаря которой получались отливки с достаточно четким рельефным изображением. Незначительные примеси свинца (0,1–0,5 %), цинка (0,01–0,03 %), висмута (0,07 %) и никеля (0,03 %) свидетельствуют о том, что эти металлы не вводились в сплав специально. Скорее всего, они входили в состав разнообразного по составу и качеству исходного сырья, которым располагал литейщик. При отсутствии собственных рудных источников ассортимент сырья новгородских литейщиков складывался из вышедших из употребления привозных предметов, металл которых они смешивали произвольно.

Сплав привесок отличается неоднородностью. На микрофотографиях хорошо видны две контрастные фазы: светлая и темная (Рис. 2). Микроанализ этих областей показал ²⁴, что светлые фазы состоят из олова (Sn), темные — сложены преимущественно медью (Cu) (Таблица 3). Тугоплавкая медь ($t_{\text{плавл.}} = 1083^\circ\text{C}$) затвердевала первой. По ее границам, обтекая, твердело легкоплавкое олово ($t_{\text{плавл.}} = 232^\circ\text{C}$) (Рис. 2: 1).

Ареал распространения рассматриваемых украшений на территории Древней Руси был широк. Аналогичные новгородским привески найдены при археологических раскопках города Ярополч Залесский во Владимирской обл. и в погребении XII в. могильника Не-

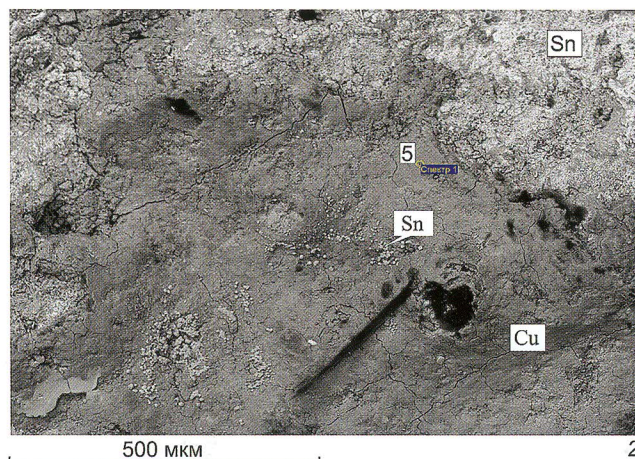
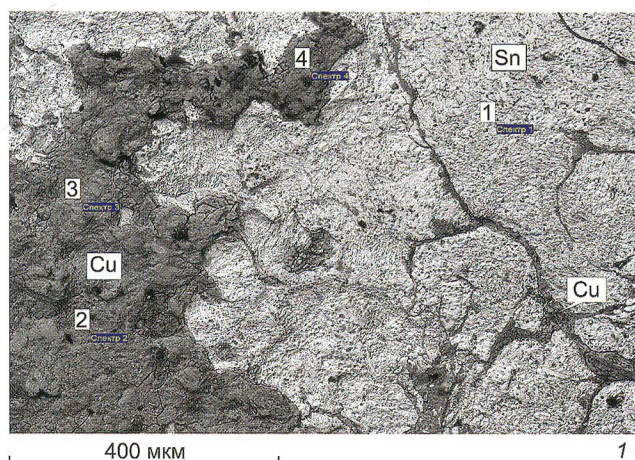

Рис. 2. Микрон неоднородность сплава привесок (на примере находки Лук-2/2-216). Электронно-микроскопические изображения в режиме обратно-рассеянных электронов (BSE). Цифрами обозначены номера аналитических спектров, соответствующие Табл. 3

федьево на Волоке Славенском в Вологодской обл. ²⁵ В последние годы находки подобных украшений зарегистрированы в Вологодской (Белоозеро) ²⁶, Владимирской ²⁷, Смоленской ²⁸, Московской ²⁹, Калужской областях ³⁰, а также в г. Могилеве ³¹.

Таким образом, недорогие оловянные привески, копирующие сребреники Ярослава, отливались в Новгороде в XI–XII в. и распространялись в Северной Руси, а также в Скандинавии на протяжении долгого времени после исчезновения из обращения самих прототипов. Копии, отлитые в глиняных литейных формах, следует считать наиболее ранними, поскольку для их изготовления были необходимы оригинальные монеты.

Количественное увеличение имитаций монет «Ярославле сребро» за последние годы, установление их широкого географического распространения и длительного использования заставляют вновь вернуться к вопросу о назначении их прототипов. Н.П. Лихачев писал: «„Ярославле сребро“ — метеор. Экземпляры настолько уникальны, что о распространении их как монеты, не может быть и речи» (Лихачев Н.П. 1930. С. 178). Со времени написания этих слов прошло почти 90 лет, но их справедливость остается незыблемой. Монеты Ярослава Владимировича и сегодня являются чрезвычайно редкими нумизматическими находками. Последнее издание Корпуса древнейших

русских монет (1995 г.) содержит сведения о более 330 сребрениках. 251 из них принадлежит Владимиру Святославичу, 68 — Святополку Ярополчичу и 13 — Ярославу Владимировичу³². В последующие два десятилетия из-за несанкционированных грабительских раскопок в России, Украине и Беларуси количество новых находок древнейших русских монет стремительно возросло. Так, к примеру, к 2006 г. наряду с многочисленными современными подделками было зарегистрировано около 60 подлинных сребреников Владимира и Святополка³³. Монет же Ярослава к настоящему времени добавилось всего лишь две³⁴.

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос. Почему во второй четверти XI в. как образец для изготовления нагрудных привесок в Новгороде использовали

только монеты «Ярославле сребро» — первого типа? Украшений в виде монет Владимира и Святополка ни в Киеве, ни в других местах нет. Не известно также привесок, которые бы копировали сребреники Ярослава второго типа. Монеты вообще редко имитировали, но часто подделывали. В средневековой Руси, как и во всех странах Европы, широко практиковалось изготовление фальшивых монет. Как правило, подделывали наиболее массовые, знакомые и привычные для населения типы денег. Может быть, прав Н. П. Бауер, а вслед за ним и Н. П. Лихачев, предполагавшие, что «Ярославле сребро» — не монета, а особый верительный знак?³⁵ Тогда становится более объяснимым, почему именно они стали образцом для копирования и изготовления украшений, так полюбившихся новгородцам.

¹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. С. 96–111, 196–201. № 222–227; Гайдуков П. Г., Хорошев А. С. Новые находки привесок — литых копий с монет типа «Ярославле сребро» в Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. М., 1996. С. 204–205; Гайдуков П. Г. Ярославле сребро // Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 548; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X вв. М. — Вологда, 2012. С. 426–429.

² ПСРЛ. Т. I. М., 2000. Стб. 143.

³ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 196, 198; Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995. С. 115–120, 212.

⁴ «В монетном производстве всей Европы XI в. сребреники Ярослава представляют своего рода феномен по мастерству исполнения монетного штемпеля». См.: Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970. С. 53; «Красота русских монет с изображением св. Георгия и надписью «ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО» высоко ценилась не только исследователями, но и современниками, о чем свидетельствует использование и самих монет, и их литых медных копий в качестве украшений». См.: Сотникова М. П. «Ярославле сребро» в Эрмитаже // СГЭ. 1975. Вып. 40. С. 61.

Из всех исследователей лишь Н. П. Бауер и Н. П. Лихачев, отмечая редкость и исключительно высокое качество этих монет, высказывали сомнение в правильности общепринятой атрибуции. Они считали «Ярославле сребро» скорее княжеским верительным знаком, чем монетой. См.: Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Известия ГАИМК. Т. V. Л., 1927. С. 317. Примеч.; Он же. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М., 2014. С. 146, 165–166; Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2 (Труды музея палеографии. Т. II.). Л., 1930. С. 178.

⁵ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 202–203. № А–В.

⁶ Рисунок одной из них впервые опубликован Т. Арне (Arne T. J. Le Swède et l'Orient. Upsal, 1914. P. 104. Fig. 62). Н. П. Лихачев воспроизвел рисунок Т. Арне в своей книге (Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 182. Рис. 167, левый рис.) и полагал, что украшение из Швеции копирует привеску из Новгорода, которую он признавал подлинной монетой Ярослава Владимировича. См. примеч. 7.

⁷ У привески отломлена верхняя часть с ушком. В публикациях Н. П. Лихачева (ЛСА. Табл. LIII, 16; Материалы для истории византийской и русской сфрагистики... С. 175–177. Рис. 166) и А. В. Орешникова (Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 91. № 38. Табл. II, 2) она ошибочно рассматривалась «как отчеканенная монета, а не копирующее ее литое украшение». См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 202. № А–3.

⁸ Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm, 1956. S. 126; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 202. № А–4. В ноябре 1993 г. в Стокгольмском государственном историческом музее привеска визуально осмотрена одним из авторов. Предмет был отлит, по всей вероятности, в глиняную литейную форму, изготовленную по оттискам сребреника № 222.

⁹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 203. № Б–2, Б–3; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 430–431. Рис. 22, 7, 8.

¹⁰ Arne T. J. Ibid. P. 102, 104. Fig. 62.

¹¹ Serning I. Ibid. S. 68, 126, 149.

¹² Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 149.

¹³ Макаров Н. А. Восточноевропейский импорт XI–XIII вв. на севере Фенноскандии. М., 1989. (Рукопись). Л. 80–81.

¹⁴ Гайдуков П. Г., Хорошев А. С. Указ. соч. С. 206–210. Рис. 1, 2; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 430–431. Рис. 22, 1, 2.

¹⁵ Состав металла привесок: 1) Cu — 5,66 %, Pb — 2,17 %, Sn — 90,02 %, Sb — 2,15 %; 2) Cu — 11,14 %, Sn — 86,05 %, Sb — 2,81 %. Анализ химического состава металла проведен в ноябре 2000 г. на кафедре геохимии геологического факультета МГУ Р. А. Митояном и Н. В. Ениосовой.

¹⁶ Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 20. Новгород, 2006. С. 10. Привеска залегала в сооружении № 51, наиболее поздняя дендродата которого — 1136 г.

¹⁷ Фараджева Н. Н. Археологические исследования на раскопе Десятинный-II в 2008 г. // НиНЗ ИА. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 55. Благодарим Н. Н. Фараджеву за сведения о датировке привесок.

¹⁸ Фотографии четырех привесок опубликованы. См.: Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 3–6. Прототипом одной из них является монета штемпелей № 222 «Сводного каталога» (Там же. Рис. 22, 3), две другие отлиты в тех же формах, что и привески Федоровского раскопа (Там же. Рис. 22, 5, 6).

¹⁹ Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятинный IV раскоп) // НиНЗ ИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 43.

²⁰ Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // НиНЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 24, 27. Рис. 11, 3, 4.

²¹ Гайдуков П. Г., Хорошев А. С. Указ. соч. С. 208–209. Рис. 1, 2; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 2, 6.

²² Гайдуков П. Г., Хорошев А. С. Указ. соч. С. 207–208. Рис. 1, 1; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 1, 5.

²³ Химический состав подвесок определен методом РФА на рентгенофлуоресцентном спектрометре Axios в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН ведущим специалистом метода А. И. Якушевым.

²⁴ Микронзондовый анализ проведен на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащенном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром INCA Energy-450 в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН Н. В. Трубкиным.

- ²⁵ Сотникова М. П. Пополнение Корпуса древнейших русских монет // СГЭ. 1987. Вып. 52. С. 48. Рис. на с. 47; Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв.: Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополя // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 13. Рис. 1, 25.
- ²⁶ Сообщение А. А. Резнева, октябрь 2005 г.
- ²⁷ Зайцев В. В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 14. № 11, 12. Табл. 3, 11–12.
- ²⁸ Сообщение Л. С. Панковой, 04.06.2013 г.
- ²⁹ Сообщение А. А. Гончара, 15.11.2010 г.
- ³⁰ Ткаченко А. В., Ткаченко В. А., Федорова Л. И. О находке в Калужском крае привески — литой копии с монеты типа «Ярославле серебро» // Двенадцатая ВНК. Тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 130–132.
- ³¹ Сообщение И. И. Синчука, 21.10.2017 г.
- ³² Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. М., 1995. С. 26–120.
- ³³ Моисеенко Н. С., Сотникова М. П. Новые данные об исследовании древнейших русских монет // Нумизматический сборник [Московского нумизматического общества]. № 13. М., 2006. С. 33; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 411.
- ³⁴ Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 427–428.
- ³⁵ «Вот почему опять вспоминается давний обычай — «ношаху п[ос]ли печати златы, а гостье сребрени», и напрашиваются предположения по следующей схеме: по смерти отца Ярославу представилась необходимость создать свое «злато» и «серебро», как верительные знаки от своего имени. Такая «печать» и была изготовлена, с наибольшей вероятностью, в Новгороде и мастером, знакомым с византийским искусством» — Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 178.

А. А. Гиппиус

«Игра в слова» по правилам древнего Новгорода¹

К числу важнейших памятников новгородского резного дерева принадлежит плеть, найденная в 2009 г. на Кремлевском раскопе в слое первой половины XIII в.² Рукоять плети, явно имевшей парадный, церемониальный характер, украшена мастерски исполненным плетеным орнаментом, в который вписаны изображения животных и лучника, а также сопровождаемая надписью сцена наказания плетью, — уникальное свидетельство практики публичных телесных наказаний в Древней Руси. В сцене представлены пять фигур: 1) исполнитель наказания («эксекUTOR»), изображенный с плетью в левой руке; 2) наказуемый, распростертый на земле перед эксекУТОРОМ; 3) «помощник эксекУТОРА»; 4) представитель власти, наблюдающий за наказанием из окна здания с арочным проемом внизу; 5) человек, выглядывающий из-за угла здания. Поднятой правой рукой эксекУТОР указывает на прячущегося человека, и к нему же протягивает руки помощник (при том что лицо помощника обращено к эксекУТОРУ) (Рис. 1).

Общий смысл сцены и соотношение изображенных лиц интерпретируются предположительно. Далека от однозначности и трактовка надписи, помещенной в рамке у верхнего края композиции. Прочтение ее оказалось непростой задачей. В тексте 13 букв, из которых уверенно идентифицируются следующие: **кѣ-брътѣтосѣ**. От буквы после **ѣ** хорошо видна только левая мачта, которая может принадлежать буквам **г, и, н, п, р, ц** («широкие» буквы **м, ю, ѣ** не подходят, т. к. их правые элементы были бы видны). Предложенная в публикации трактовка этого текста (которой мы следуем и в данной работе) членит его на слова следующим образом: **кѣ[р](ѣ) бръѣ что сѣ**; или, в нормализованной раннедревнерусской записи: **кѣре бръѣ что сѣ**.

Восстанавливаемое **кѣ[р](ѣ)** трактуется нами как звательная форма от известного древнерусским памятникам гречизма **кюрѣ/кирь** «господин» (греч. **κύριος**; вариативность передачи греческого **υ** вполне допускает такую ин-

0 1 2 3 см

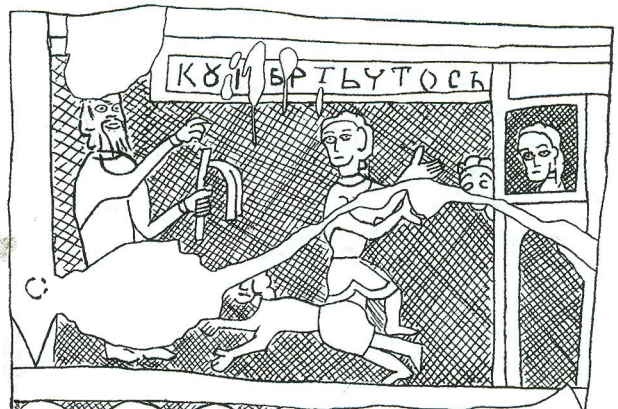

Рис. 1. Сцена наказания на рукояти плети, XIII в., резьба по дереву (прорисовка И. В. Мищенко)

Научное издание

«НЕСКОНЧАЕМОЕ ЛЕТО»
СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНЫ РЫБИНОЙ

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Макет, верстка Л. Л. Ивановой
Дизайн обложки Л. Л. Ивановой
Корректор Н. С. Хиврич
Технический редактор Т. М. Воронина

Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная 130 г/м²,
Печать офсетная, гарнитура PeterburgC. Объем 31 усл. п.л.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика.
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
194044, Россия, Санкт-Петербург,
Б. Сампсониевский пр., д.60, литера «У»
Тираж 300 экз.